

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-33-44>

УДК 398.3

ББК 82.3

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Л.Ю. Лепешкина

г. Тольятти, Россия

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–30-Х ГГ.: ОТ ИРОНИИ К НОСТАЛЬГИИ

Аннотация: Статья посвящена культурологическому анализу подходов к рассмотрению обрядов жизненного цикла в советской художественной литературе 1920–30-х гг. Проведено исследование литературных произведений, показывающих своеобразие традиционной и «красной» обрядности. Начиная с 1920 гг. советское правительство активно боролось с религиозными пережитками, носителями которых являлись в том числе народные традиции. Искореня традиционные обряды жизненного цикла и насаждая «красные», власти создали внутренне противоречивую ситуацию параллельно сосуществовавших ценностей: религиозных, народных, обывательских и социалистических. Дух эпохи мастерски передавали советские писатели, обратившиеся к возможностям обрядов жизненного цикла формировать нового человека с его суеверными страхами, материалистическим взглядом на действительность и надеждами на счастливое будущее. Первоначально описания обрядов, их исполнителей в литературных произведениях 1920–30-х гг. полны иронии, но затем в творчестве некоторых авторов появились ноты ностальгии об общечеловеческих ценностях, укреплявших межпоколенческие связи. Применение в статье культурологического подхода позволяет интерпретировать обряды жизненного цикла как развивающийся феномен культуры, несущий отпечаток времени и отражающий духовно-нравственные ценности их исполнителей. Благодаря сравнительно-историческому методу удастся сопоставить характеристики обрядовых практик в литературных произведениях 1920–30-х гг. Доказывается, что произведения советских писателей не следует отождествлять исключительно с пропагандой «красной» обрядности и пролетарского уклада жизни. Авторы создавали объективную картину повседневности, в которой люди находились в состоянии выбора между традициями прошлого и верой в новые идеалы Советского государства.

Ключевые слова: обряды жизненного цикла, советская литература, советские писатели, традиции, «красные» обряды, новый человек, советское общество, духовно-нравственные ценности, ирония, ностальгия.

Информация об авторе: Лариса Юрьевна Лепешкина — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные технологии и гуманитарные науки», Поволжский государственный университет сервиса, ул. Гагарина, д. 4, 445017 г. Тольятти, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-5987>

E-mail: lara_yura@list.ru

Дата поступления статьи: 03.10.2023

Дата одобрения рецензентами: 04.12.2024

Дата публикации: 25.03.2025

Для цитирования: Лепешкина Л.Ю. Обряды жизненного цикла в советской художественной литературе 1920-30-х гг.: от иронии к ностальгии // Вестник славянских культур. 2025. Т. 75. С. 33–44. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-33-44>

Советская культурная политика существенно изменила традиционные обряды жизненного цикла (родильные, инициации, свадебные и похоронно-поминальные) различных народов. Стремление преобразовать повседневную жизнь и заставить ее развиваться в новом направлении оказало влияние на реформирование обрядности и придание ей принципиально иного характера, отвечавшего установкам и целям молодого Советского государства. Вместе с тем обряды жизненного цикла, традиционные и модернизированные в 1920-30-х гг., привлекали внимание представителей интеллектуальной элиты, в том числе советских писателей, обращавшихся к ним для создания разнообразных картин повседневности в своих произведениях. Более того, в тот исторический период усиливалось воздействие идеологического фактора на творческую интеллигенцию, что дополнительно побуждало литераторов критиковать пережитки прошлого и постигать смысл обрядовых практик, внедряемых прогрессивно мыслящими членами общества. Соответственно отражение в советской литературе старых и новых обрядов дает пищу для размышления об их сущности, определения их места в повседневной жизни народов СССР.

Актуальность изучения обрядов жизненного цикла обусловлена потребностью выделить ключевые духовно-нравственные ценности, транслируемые ими. Эти ценности служат «кирпичиками» для конструирования этнической и национальной идентичности, поддержания социальных связей. Устремления Советского государства привить обществу новые ценностные ориентиры за счет разрушения прежних, соотносившихся с ненавистным царским режимом, выражались в различных явлениях культуры, в частности, обрядах жизненного цикла. Эволюция последних в 1920-30-х гг. показательна тем, что подобные обрядовые практики, словно лакмусовая бумага, демонстрировали всю противоречивость и болезненность перехода людей от традиционных к социалистическим ценностям.

Смене культурных форм в 1920-30-х гг. и технологиям внедрения «красной» обрядности в молодой Советской России посвящено немало трудов, например, Н.В. Лебиной, В.В. Глебкина, И.В. Глущенко, В.А. Куренного, Е. Жидковой, А.И. Савина, А.Г. Теплякова и др. [6, 4, 2, 5, 9]. К их числу относятся и наши публикации о советской культурной политике и ее роли в трансформации традиционной обрядности, о проблеме устойчивости этноконфессиональных элементов в обрядах жизненного цикла [7, 8]. Но в наших предыдущих работах основное внимание акцентировалось на исторических аспектах развития обрядов жизненного цикла в XX в., при этом источниковой базой исследования служили преимущественно архивные материалы. Вместе с тем произведения советских писателей также могут быть ценным источником информации о причинах девальвации ряда дореволюционных традиций, приведшей, в конечном итоге, к возникновению духовно-нравственного кризиса в современном обществе. Поэтому, как нам видится, полнота представления о сущности обрядов жизненного цикла зависит от широты и разнообразия привлекаемых к их рассмотрению источников.

Целью данной статьи является анализ сюжетов, связанных с обрядами жизненного цикла, в советской художественной литературе 1920–30-х гг. Здесь важны и авторская оценка обрядов, и отношение вымышленных героев литературных произведений к ним. А по этим оценочным суждениям можно сделать вывод о значимости обрядов для нарождавшегося советского общества.

Новизна исследования состоит в том, что впервые выделяются подходы советских писателей к рассмотрению обрядов жизненного цикла, подвергшихся трансформации в постреволюционный период. Данные подходы тесно связаны с исторической обстановкой и сформировались в результате неоднозначного восприятия литературой всего многообразия явлений, возникших в Советском государстве в 1920–30-х гг. В отношении к обрядам жизненного цикла, традиционным и модернизированным, первоначально преобладала ирония, которая затем сменилась ностальгией по общечеловеческим ценностям.

В методологическом плане статья опирается на культурологический подход, который позволяет интерпретировать обряды жизненного цикла как развивающийся феномен культуры, несущий отпечаток времени и отражающий духовно-нравственные ценности их исполнителей.

Характеристика обрядов жизненного цикла в конкретных исторических условиях построена на принципах историзма и объективности. При сопоставлении обрядовых описаний в литературных произведениях 1920–30-х гг. использовался сравнительно-исторический метод. Все это в совокупности помогало осветить малоисследованные аспекты в эволюции обрядов жизненного цикла, прежде всего с точки зрения их смыслового наполнения.

Необходимо подчеркнуть, что наше исследование не претендует на всеохватность. Отбор художественных произведений производился по степени важности описаний обрядов для раскрытия сути литературного сочинения или его фрагментов, отношения самих авторов, а также их героев к обрядовым практикам.

Обозначенные в статье хронологические рамки — 1920–30-х гг. — обусловлены глубокими преобразованиями в молодом Советском государстве, ломкой прежних стандартов и норм существования именно в этот период. Это время надежд и новаторства, при котором, как отмечали В.И. Ленин и нарком просвещения А.В. Луначарский, пролетарская культура должна занять доминирующее положение [24, 25].

В подобной исторической ситуации обряды жизненного цикла существенно корректировались с учетом особенностей советской эпохи. Данные обряды некоторые авторы [1, 3, 10, 11] относят к переходным в силу их возможностей четко разграничивать возрастные этапы. На основании этого можно предположить, что обряды жизненного цикла, с одной стороны, являются своеобразным измерением времени, отводимого человеку, а с другой — индикатором культурных изменений. Причем по отношению к культуре в целом эти обряды также служат своеобразным «хронометром», отделяя культурные ценности одного исторического периода от другого. В Советском государстве произошел, как известно, стремительный переход от традиционных культурных ценностей к социалистическим.

Безусловно, отказаться от прежних традиций в короткие сроки оказывалось трудновыполнимой задачей, поскольку они составляли базис социального пространства, формировавшегося веками. С другой стороны, интенсивность и скорость социокультурных изменений в Советской России требовала новой обрядности. Размышления писателя В.В. Вересаева проникнуты сомнением по поводу правильности выбора новых обрядов для замены старых:

Нельзя к людям, любящим жизнь, землю и работу для жизни, подходить с обрядами, видящими в жизни только «болезнь и печаль и воздыхание». Нужно хоронить их как-то по-иному, по-новому... Но как? [14, с. 4].

Однако с 1920-х гг. советское правительство нашло решение этого вопроса, применяя тактику замещения традиционных обрядов жизненного цикла социалистическими или «красными» обрядами.

Внедрение «красных» обрядов осуществлялось благодаря соответствующим инструкциям, объяснявшим полезность разработки новой обрядности исторической изменчивостью и потребностью строить коммунизм. К числу «красных» обрядов относились «красные крестины» (октябрины, звезды), «красные свадьбы» и «красные похороны». Все это стало приметами модернизовавшегося общества, избавлявшегося от груза буржуазной старины.

Советская художественная и научная литература 1920–30-х гг., чутко улавливавшая ветер перемен, не осталась в стороне от постреволюционных преобразований. Потребность в новаторстве выражалась мыслью, словом, делом. Молодому Советскому государству нужны были новые традиции, воспевание которых быстро подхватили прогрессивные поэты и писатели. Во многом благодаря этим героям своего времени оставлен уникальный литературный материал о борьбе с традициями прошлого и необходимости создания традиций советского общества.

Одним из тех ярких представителей советской литературы, кто высмеивал традиционные обряды жизненного цикла и связанные с ними суеверия, был М.М. Зощенко. В его рассказе «Агитационный рассказ (О вреде крещения)» [18, с. 30–33] повествуется о крещении новорожденной девочки в церкви бывшей великомученицы Ксении Блаженной соседом, воображавшим себя знатоком крестильной обрядности и желавшим получить вознаграждение от родителей ребенка. Настояла на крещении младенца приехавшая из Твери бабушка, беспартийная старушка, воплощение прежнего миропорядка. Сам автор относит традиционные крестины к явлению, противоречащему «совести и эпохе» [18, с. 32].

В свойственной М.М. Зощенко ироничной манере в рассказе разворачивается настоящая трагедия — смерть ребенка в результате простуды, полученной при омовении в церковной купели. Из повествования следует вывод, что причиной стала безграмотность родителей, их маменьки и ушлого соседа, вспомнившего в конце произведения о необходимости отдать ему золотой крестик в качестве платы за совершение таинства крещения.

В рассказе не только присутствует насмешка над религиозными представлениями беспартийных граждан, но и возникает саркастический намек на важность следования линии коммунистической партии. Так, партийность родителей и бабушки, приверженность заветам Ильича не позволили бы прийти к трагической развязке — гибели ребенка. Автор выбирает именно такой финал, чтобы продемонстрировать искаженное восприятие советскими обывателями традиционных обрядов, совершение которых нередко доверялось случайным людям.

Другой вопрос — насколько серьезен М.М. Зощенко в своих рассуждениях. Учитывая то, что сам автор был бескомпромиссен в критике невежества, присущего разным слоям населения, можно предположить: истинной причиной трагедии являлся не обряд крещения, а невежественное отношение к ребенку. Незнание специфики функционирования человеческого организма в младенческом возрасте (болезненное реагирование

на резкие температурные колебания в окружающей среде) приводит к самым печальным последствиям, что остается актуальным и в настоящее время при игнорировании молодыми родителями физиологических особенностей своих маленьких детей.

Принципиально иной обряд крещения описал М.А. Булгаков в фельетоне «Ванькин дурак» [13, с. 23–26]. В клубе имени товарища Луначарского завком и «профессиональный знаменитый работник 20 века Ванькин Исидор» [13, с. 23] совершили, подобно священнослужителям, таинство «красного крещения» двух девочек, а затем ритуал имянаречения. Новорожденных девочек торжественно назвали в честь борцов за свободу трудящихся — Клары Цеткин и Розы Люксембург. Завершились обряды крещения и имянаречения исполнением похоронного марша в память об известных женщинах. После священного мероприятия девочки должны были обрести статус членов пролетарского сообщества.

Безусловно, М.А. Булгаков в упомянутой сцене иронизирует над своими героями, стремившимися разрушить дореволюционные традиции, но при этом неспособными окончательно отказаться от представлений о важности инициации. Крещение, церковное или «красное», имело конкретную задачу включить ребенка в коллектив людей, сделать его полноправным членом какого-либо социального объединения. А революционерам, уничтожавшим религиозные и народные обряды, не удалось искоренить их полностью. Упомянутые обрядовые практики продолжали сохранять свой смысл, свою нацеленность включать в одно сообщество, исключать из другого и т. д. Поэтому писателя удручает неумение его современников с уважением относиться к прошлому.

Необходимо подчеркнуть, что не всегда «красное крещение» находило полное понимание и принятие в семье ребенка. Сатирики И.А. Ильф и Е.П. Петров это подметили в фельетоне «Мать»:

Новорожденного несли в местком. Здесь происходил церемониал вручения подарка. Дарили всегда одно и то же — красное сатиновое одеяло. Но уж за это одеяло председатель месткома брал реванш — над люлькой младенца он произносил двухчасовой доклад о международном положении. Новорожденный, натурально, закатывался, но опытному оратору ничего не стоило его перекричать. Взрослые тоскливо курили. Оркестр часто играл туш. По окончании доклада несколько посиневшему младенцу давали имя: мальчика называли Доброхим, а девочку — Кувалда, надеясь, что детей так будут называть всю жизнь... Дома, конечно, все приходило в норму. Доброхима называли Димой, а Кувалду, естественно, Клавдией. Но чувство неудовлетворенности оставалось еще долго [23, с. 283–284].

На основании приведенного фрагмента можно заключить, что в Советской России возникло явление «двоеверия» при имянаречении ребенка: одно имя соответствовало новой «большевистской религии», а другое — старой, традиционной. Сходные процессы происходили в период христианизации Древней Руси в X–XIII вв., а затем народов-язычников и мусульман в XVI и XVIII вв. [7].

Примечательно то, что инициации в члены какого-либо сообщества в молодом Советском государстве совершались весьма быстро и нередко неожиданно для самих участников обрядового события. На это обратил внимание М.М. Зощенко в повести «Возмездие». Так, героиня повести Анна Касьянова, домашняя работница, попав по приглашению на митинг в университет (см. главу «13. Первое крещение»), была вызвана на трибуну для выступления о несправедливом положении прислуги в зажиточных домах. Красочная речь девушки вызвала живой интерес аудитории, пожелавшей немедленно стереть в порошок ее хозяйку — баронессу Нину Викторовну. Но Анна Касьянова сдержала порыв слушателей, упомянув о необходимости создавать профсоюзное

движение и направлять его силу на «борьбу с буржуазной знатью» [20, с. 294]. После яркого выступления и его одобрения опытными революционерами товарищ Касьянова неожиданно для себя была назначена ответственным работником в профсоюз.

Вероятно, подобные инициации в 1920–30-х гг. не были чем-то исключительным. Для обретения нового статуса необходимыми качествами считались смелость, оптимистичный настрой, умение говорить по сути, находчивость. Отсутствие профессионализма и опыта никого не смущало. Ценилась способность проявлять инициативу, что благотворно влияло на укрепление боевого духа в деле планирования и организации мировой революции.

Рассказы М.М. Зощенко «Свадебное происшествие» и М.А. Булгакова «Как Бутон женился» чрезвычайно показательны с точки зрения метаморфоз, произошедших с традиционными свадебными обрядами. Быстрота создания брачных союзов становилась поводом для иронии во многом потому, что, как и в дореволюционный период, брак оставался способом решения экономических проблем. Подтверждением служит начало рассказа М.А. Булгакова «Как Бутон женился»:

В управлении Юго-Западных провизии выдают только женатым. Холостым — шиш. Стало быть, нужно жениться. Причем управление будет играть роль свахи [12, с. 966].

Так, провизионному начальству не составило большого труда уговорить железнодорожника Валентина Аркадьевича Бутон-Нецелованного жениться на машинистке Вареньке. Гарантированное продовольственное обеспечение было серьезным стимулом для заключения брака, тем более что органы ЗАГС не препятствовали этому.

Любопытно, что М.А. Булгаков, мастерски передавая атмосферу нэповского времени, выделяет признаки «красной» обрядности: трудовой коллектив, ЗАГС, октябрины. Причем все обрядовые события должны были происходить с привлечением членов партии, профсоюза и коллег, что свидетельствовало об открытости частной жизни советских граждан для беспрепятственного вмешательства в нее государственной власти и общественности.

Однако брак обеспечивал не только решение экономических проблем. Часть брачных союзов заключалась в эмоциональном порыве, в результате либерализации отношений между мужчиной и женщиной, что могло привести к комичным последствиям. История Володьки Завитушкина из рассказа М.М. Зощенко «Свадебное происшествие» демонстрирует, как попытка скоропалительно устроить свою жизнь с приглянувшейся барышней в трамвае обернулась путаницей во время праздничного торжества. Главный герой в кругу находившихся в доме женщин не узнал своей невесты, поскольку до этого видел ее только в шляпке и пальто. Как известно, развязкой произведения стали скандал и изгнание Володьки Завитушкина из дома невесты.

В этой истории значительное место занимает подготовка к свадебному торжеству: «какие-то разные барышни и кавалеры по комнате суетятся, приборы ставят и пробки открывают» [19, с. 111]. Фактически после регистрации брака праздничное застолье превратилось в один из основных этапов «красной свадьбы». В 1920-х гг. при его проведении было принято исполнять песни Гражданской войны и напутствовать молодым идти к светлому будущему (Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 78. Л. 218), но праздничный стол, изобиловавший разными яствами, привлекал к себе не меньше гостей, чем другие элементы свадьбы: «на гостей прямо удержу нету, прямо

кидаются на жратву и на выпивку» [19, с. 112]. Вероятно, подобное поведение на свадебном торжестве являлось чертой эпохи, когда изголодавшиеся за годы Гражданской войны люди уже не обращали внимания на этикет, как на нечто враждебное и буржуазное. Это также подтверждается грубоватой речью героев М.М. Зощенко. Так, Володька Завитушкин в конце рассказа заявляет: «А пес вас разберет. Насажали разных баб, а мне разбирайся»; «Дайте хоть пожрать. С утра <...> не жравши по такой канители» [19, с. 112–113]. Получается, что грубость и невежественность попадали в разряд нормы, вызывавшей у писателя грустную иронию.

Общеизвестно, для того чтобы быть культурным, требуются интеллектуальные и физические усилия. А в 1920–30-х гг. идея личностного самовоспитания уже не столь привлекательна, нужен человек массы, который «театр не хает», но для него «кино все-таки лучше... Раздеваться, например, не надо — гривенники от этого все время экономишь. Бриться опять же не обязательно — в потемках личности не видать» [20, с. 120]. Соответственно литературные герои М.М. Зощенко типичны для своего времени, они стремятся затеряться «в потемках», стать безликими в условиях необратимо надвигавшегося к ним дамоклова меча.

Затерянность «в потемках» является закономерным итогом разрыва поколений. Этой темой прониклись и советские писатели, в том числе при описании обрядов жизненного цикла. Момент разрушения межпоколенческих связей показан в романе А.М. Горького «Дело Артамоновых», впервые опубликованном в 1926 г. Еще в дооктябрьский период наметилась тенденция осуждения молодежью суеверий и патриархальных взглядов старшего поколения. На примере свадьбы Петра Артамонова и Натальи писатель, будучи знатоком народной жизни, с отвращением изобразил старуху, наставлявшую жениха перед первой брачной ночью и рассказывавшую ему о необходимых обрядах. После ухода старухи довольно логичным становится гнев Петра, не оценившего абсурдные советы наставницы [17, т. 10, с. 14]. В представленной сцене снова столкнулось два мира: старый, традиционный и новый, прогрессивный, молодой. В преддверии Октябрьской революции и в последующие годы такое столкновение было вполне предсказуемо, что тонко уловил А.М. Горький. Но, осознавая неизбежность разрыва ценностей поколений, писатель как будто одобряет эмоциональный порыв Петра, отшвырнувшего от себя ритуальные сапоги, похожие на языческие идолы [17, т. 10, с. 14]. Этим идолам не найти пристанища в мире, не желавшем помнить о прошлом и устремленном только в будущее.

Наибольшему сарказму советских писателей 1920–30-х гг. подверглись традиционные и «красные» похоронно-поминальные обряды. Десакрализация этой темы обусловлена социокультурными изменениями в стране Советов: отстранение «духовных лиц» от контроля над погребальной деятельностью и кладбищами; появление новых ритуальных специалистов и специализированных служб; развитие системы моргов и крематориев и пр. Все упомянутые новшества попадали в поле зрения советских литераторов. Так, в романе И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» погребальная контора получила говорящее название «Милости просим», и вечно пьяный гробовых дел мастер Безенчук ознакомил Ипполита Матвеевича Воробьянинова с собственной классификацией смертей [22, с. 8, 22]. Гротескное описание подобной конторы свидетельствует об ироничном отношении авторов романа к внедряемым новшествам в похоронно-поминальной обрядности.

В продолжение темы о погребальных конторах следует привести характеристику морга, данную В.А. Гиляровским в книге «Москва и москвичи». Согласно описанию

автора, в народе его называли «часовней», куда доставляли трупы, «поднятые на улице, или жертвы преступлений» для судебно-медицинских исследований. Затем «по заключению судебных властей, отдавали родственникам для похорон. Бесприютных и бес- паспортных отпевали тут же и везли на дрогах, в дощатых гробах на кладбище» [16, с. 184]. Этот фрагмент произведения наводит на размышление о массовости ритуальных услуг. Кроме того, сами власти, борясь в советское время с религиозной и народной обрядностью, активно способствовали их широкому распространению и популяризации среди населения.

Не чуждой для советских писателей была тема применения новых технологий в похоронной обрядности. А.П. Платонов в «Ювенильном море» описал мысли инженера Вермо о возможностях «химически получить из тела Босталоевой» гвозди, свечи, медь и минералы: «Зачем строят крематории? ... Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования» [26, с. 53]. Несмотря на весь цинизм рассуждений героя, сам Вермо искренне верит в полезность таких технологий для обеспечения общественного благополучия.

Немаловажную роль в правительственной кампании по искоренению дооктябрьских обрядов сыграло дискредитирующее церковью поведение священнослужителей. Например, в рассказе М.М. Зощенко «Шумел камыш» пьяный батюшка исполнил фольклорную песню о порочных радостях вместо заупокойной молитвы о душе умершей женщины. Пренебрежительное выполнение своих обязанностей священник объяснил следующим образом:

Когда я выпивши, я почему-то завсегда сворачиваю на эту песню. Усопшей это безразлично, а что касается родственников, то мне решительно на них наплевать [18, с. 47].

Эту неприятную перемену в отношении церковников к прихожанам иронично подметил писатель, увидевшей в ней отсутствие глубокой веры в христианские идеалы.

Усиливала процесс «вымывания» христианский ценностей из повседневности деятельность советского правительства по созданию новых культов, наиболее ярко выразившихся в «красной» похоронно-поминальной обрядности и направленных на формирование общенародного единства. Параллель этому явлению можно обнаружить в повести А.П. Гайдара «Военная тайна», в которой могила Мальчиша-Кибальчиша превратилась в объект поклонения со стороны пролетавших мимо самолетов, проплывавших пароходов, проходивших пионеров [15]. Но не является ли это, несмотря на всю торжественность и «краснознаменность», ностальгией по святым местам, ценностям человеколюбия и милосердия, заставлявшим людей задумываться о скоротечности жизни и неминуемости смерти? Здесь уже нет места для иронии. Ее место занимает «песнь» о герое, отдавшем свою жизнь ради светлого будущего и общественного прогресса, ради счастья молодого поколения. А потребность в новых святынях можно воспринимать как поиск вечных идеалов, обеспечивающих стабильность государства и общества.

Ностальгирует по общечеловеческому М.М. Зощенко в рассказе «Поминки» [21, с. 338–340]. Автор жалеет некоего М., сослуживца усопшего, которого выгнали с поминального обеда родственники скорбевшей вдовы. Как первоначально казалось, на этот обед приглашали всех, кто знал покойного, но фактически стол с поминальными угощениями накрыли только для избранных. По сути, речь идет об извращении древней традиции, когда поминки выступали не только способом коллективного оплаки-

вания умершего человека, но и средством поддержания общечеловеческих ценностей (милосердие, забота, солидарность) через диалог с себе подобными. Именно благодаря такому диалогу сохраняется культура.

Как это ни парадоксально, часто иронизировавший в своих произведениях М.М. Зощенко обратился к проблеме сохранения ценностей, главной из которых являлся человек: «не худо бы и на человечке что-нибудь мелом выводить. Какое-нибудь там петушиное слово: “Фарфор!”, “Легче!” Поскольку человек — это человек...» [21, с. 340]. Поэтому не случайно в приведенном рассказе повествуется о поминках как об обряде, раскрывающем истинные человеческие помыслы и чувства, отношение людей друг к другу.

Таким образом, на основе анализа литературных произведений 1920–30-х гг. можно обозначить два полярных подхода к рассмотрению обрядов жизненного цикла. Первый из них высмеивал «красную» обрядность как признак бескультурия и робко ностальгировал об утраченных традициях, символизировавших преемственность поколений и транслировавших общечеловеческие ценности (милосердие, забота, солидарность). Во втором подходе, наоборот, авторы открыто или неявно иронизировали над традиционными обрядами и симпатизировали «красным», видя в них потенциал для воспитания нового человека. Хотя в творчестве М.М. Зощенко оба подхода совмещаются, вероятно писатель критически воспринимал всякую обрядность, независимо от периода ее возникновения.

Примечательно, что обозначенные подходы отражают объективную картину существования традиционных и «красных» обрядов жизненного цикла в 1920–30-х гг. В них нет жесткой пропаганды конкретной обрядности. Писатели обнаруживали недостатки и крайности в каждой из них, поскольку она являлась «делом рук человеческих». Кроме того, описания исследуемых обрядов в советской художественной литературе раскрывают динамику представлений об образе жизни: от консервативных взглядов к более либеральным. Результатом данной динамики становится рождение нового человека — соответствующего духу своего времени, готового к переменам и презиравшего дореволюционное прошлое. Это человек на перепутье, не способный сразу разрушить связи с былым и погрузиться всецело в мир новый.

Вместе с тем, невзирая на всю противоречивость формирования нового человека и общества, в советской художественной литературе 1920–30-х гг. витает идея о культуруобразующей роли обрядов жизненного цикла, их возможностях передавать знания, ценности, опыт адаптации к различным условиям бытия. Любой обряд может со временем устаревать, но пока он обладает смыслом непосредственно для его исполнителей, представителей конкретной эпохи, он сохраняет свою актуальность и жизнеспособность.

Список литературы

Исследования

- 1 Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
- 2 Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013. 272 с.
- 3 Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: пер. с франц. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 198 с.

- 4 Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.
- 5 Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30, № 3–4. С. 408–429.
- 6 Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 488 с.
- 7 Лепешкина Л.Ю. Обряды жизненного цикла в традиционной культуре: мотив преодоления страха перед неизвестностью. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2021. 260 с.
- 8 Лепешкина Л.Ю. Советская культурная политика и традиционные обряды народов Поволжья: опыт взаимодействия // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 725–736. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.312>
- 9 Савин А.И., Тепляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой Советской России // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3, ч. 1. С. 205–228. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228>
- 10 Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
- 11 Чистов К.В. К классификации обрядов жизненного цикла // Язычество восточных славян: сб. науч. тр. Л.: Изд-во Гос. музея этнографии, 1990. С. 101–107.

Источники

- 12 Булгаков М.А. Полное собрание пьес, фельетонов и очерков: в 1 т. М.: Альфа-книга, 2014. 1087 с.
- 13 Булгаков М. Рассказы // Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала «Смеяч». Л.: Гос. тип. им. тов. Зиновьева, 1926. № 15. С. 4–62.
- 14 Вересаев В.В. Об обрядах новых и старых (к художественному оформлению быта). М.: Новая Москва, 1926. 31 с.
- 15 Гайдар А.П. Военная тайна: повесть. Симферополь: Крымиздат, 1955. 112 с.
- 16 Гиляровский В.А. Москва и москвичи // Гиляровский В.А. Избранное: в 2 т. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1965. Т. 2. С. 13–361.
- 17 Горький М. Собр. соч.: в 16 т. / сост. и общ. ред. Н.Н. Жегалова; вступ. ст. Л. Леонова; илл. П. Пинкисевича. М.: Правда, 1979. Т. 10: Дело Артамоновых; Рассказы / примеч. С.Г. Бочарова и др. 384 с.
- 18 Зоценко М. Исповедь: сборник. М.: Издательство политической литературы, 1965. 64 с.
- 19 Зоценко М.М. Голубая книга: рассказы. М.: АСТ, 2019. 320 с.
- 20 Зоценко М.М. Прелести культуры: сборник. М.: АСТ, 2023. 352 с.
- 21 Зоценко М. Собр. соч.: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1986. Т. 2: Сентиментальные повести; Рассказы и фельетоны 1930-х – 1940 гг. и др. / сост., подгот. текста, примеч. Ю.В. Томашевского. 480 с.
- 22 Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Золотой теленок: романы. М.: АСТ, 2022. 704 с.
- 23 Ильф И.А., Петров Е.П. Мать // Собр. соч.: в 4 т. Петрозаводск: Карелия, 1994. Т. 3. С. 282–287.
- 24 Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература. М.: Книга, 1980. 238 с.
- 25 Луначарский А.В. Искусство и революция: сборник статей. М.: Новая Москва, 1924. 230 с.

- 26 Платонов А. Ювенильное море (Море юности). Библиотека «Огонек». М.: Правда, 1987. № 11. 66 с.

© 2025. Larisa Yu. Lepeshkina

Togliatti, Russia

LIFE CYCLE RITES IN SOVIET FICTION OF THE 1920–30S: FROM IRONY TO NOSTALGIA

Abstract: The paper provides a culturological analysis of approaches to the consideration of the life cycle rites in Soviet fiction of the 1920–30s. The author explored literary works showing the originality of traditional and “red” rites. Since the 1920s the Soviet government actively fought against religious remnants, the bearers of which were also folk traditions. By eradicating the traditional life cycle rites and promoting “red” ones, the authorities have created a paradoxical situation of parallel coexisting values: religious, folk, philistine and socialist. The spirit of the era was masterfully conveyed by Soviet writers, who discovered the possibilities of the life cycle rites to form a new man with his superstitious fears, a materialistic view of reality and hopes for a happy future. The descriptions of rites, their performers in literary works of the 1920–30s initially were full of irony, but then notes of nostalgia about universal values that strengthened intergenerational ties appeared in the novels and stories of some authors. The use of the cultural approach allowed us to interpret the life cycle rites as an evolving cultural phenomenon, bearing the imprint of time and reflecting the spiritual and moral values of their performers. The comparative and historical method helps to compare the features of ritual practices in literary works of the 1920–30s. The study proved that the texts of Soviet writers should not be identified only with the propaganda of the “red” rites and the proletarian way of life. They created an objective picture of everyday life, in which people were in a position to choose between the traditions of the past and faith in the new ideals of the Soviet state.

Keywords: Life Cycle Rites, Soviet Literature, Soviet Writers, Traditions, “Red” Rites, a New Man, Soviet Society, Spiritual and Moral Values, Irony, Nostalgia.

Information about the author: Larisa Yu. Lepeshkina — PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Humanities, Volga Region State University of Service, Gagarina St., 4, 445017 Togliatti, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-5987>

E-mail: lara_yura@list.ru

Received: October 03, 2023

Approved after reviewing: December 04, 2024

Date of publication: March 25, 2025

For citation: Lepeshkina, L.Yu. “Life Cycle Rites in Soviet Fiction of the 1920–30s: from Irony to Nostalgia.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 75, 2025, pp. 33–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-33-44>

References

- 1 Baiburin, A.K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture: strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [*Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Ceremonies*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 237 p. (In Russ.)
- 2 Glushhenko, I.V., Kurennoi, I.A., editors *Vremia, vpered! Kul'turnaia politika v SSSR* [*Time, Forward! Cultural Policy in the USSR*]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2013. 272 p. (In Russ.)
- 3 Gennep, A., van *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov* [*The Rites of Passage. Systematic Studying of Ceremonies*], trans. from French. Moscow, Vostochnaia literatura RAS Publ., 1999. 198 p. (In Russ.)
- 4 Glebkin, V.V. *Ritual v sovetskoi kul'ture* [*Ritual in Soviet Culture*]. Moscow, Ianus-K Publ., 1998. 168 p. (In Russ.)
- 5 Zhidkova, E. "Sovetskaia grazhdanskaia obriadnost' kak al'ternativa obriadnosti religioznoi" ["The Soviet Civic Rituals as an Alternative to Religious Rites"]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 30, no. 3–4, 2012, pp. 408–429. (In Russ.)
- 6 Lebina, N. *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stiliiu* [*Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Big Style*], 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 488 p. (In Russ.)
- 7 Lepeshkina, L.Yu. *Obriady zhiznennogo tsikla v traditsionnoi kul'ture: motiv preodoleniia strakha pered neizvestnost'iu* [*Life Cycle Rites in Traditional Culture: The Motive of Overcoming the Fear of the Unknown*]. Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyi tsentr Publ., 2021. 260 p. (In Russ.)
- 8 Lepeshkina, L.Yu. "Sovetskaia kul'turnaia politika i traditsionnye obriady narodov Povolzh'ia: opyt vzaimodeistviia" ["The Soviet Cultural policy and Traditional Rites of the Peoples of the Volga Region: Experience of Interaction"]. *Noveishaia istoriia Rossii*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 725–736. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.312> (In Russ.)
- 9 Savin, A., Teplyakov, A. "Krasnye pokhorony". Novaia pokhoronnaia obriadnost' v molodoi Sovetskoi Rossii" ["Red Funeral". New Funeral Rites in Early Soviet Russia"]. *Idei i idealy*, vol. 13, no. 3, part 1, 2021, pp. 205–228. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228> (In Russ.)
- 10 Turner, V. *Simvol i ritual* [*Symbol and Ritual*]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 277 p. (In Russ.)
- 11 Chistov, K.V. "K klassifikatsii obriadov zhiznennogo tsikla" ["Toward a Life-Cycle Rites Classification"]. *Iazychestvo vostochnykh slavian: sbornik nauchnykh trudov* [*Paganism of the Eastern Slavs: Collection of Scientific Works*]. Leningrad, Gosudarstvennyi muzei etnografii Publ., 1990, pp. 101–107. (In Russ.)